

Улей

*Посвящается моему брату,
гардемарину Испанского флота*

Мой роман «Улей», первая книга из цикла «Неверные пути», — всего лишь смутное отражение, бледная тень повседневной жестокой, волнующей и скорбной действительности.

Все, кто пытается приукрасить жизнь шутовской маской литературы, лгут. Недуг, разъедающий души, недуг, у которого столько имен, сколько придет нам в голову, нельзя исцелить грелками примиренчества, пластырями риторики и поэзии.

Роман мой не претендует дать что-либо большее — ни, разумеется, что-либо меньшее, — чем изображение куска жизни, рассказ о которой ведется шаг за шагом, без недомолвок, без удивительных трагедий, без сострадания — как идет сама жизнь, именно так, как идет жизнь. Хотим мы этого или не хотим. Жизнь есть то, что живет — в нас или вне нас; мы только ее носители, ее, как говорят фармацевты, основа.

Думаю, что в наше время нельзя писать романы по-другому — ни лучше, ни хуже, чем это делаю я. Думай я иначе, я бы переменял профессию.

По особым обстоятельствам мой роман выходит в Аргентинской Республике, здешние добрые ветры*, для меня непривычные, видимо, благоприятны для печатного слова. Архитектоника романа сложна, далась

* Буэнос-Айрес (где впервые был опубликован роман «Улей») по-испански означает «добрые ветры». — *Здесь и далее примеч. пер.*

она мне нелегко. Конечно, причиной трудности равно могли быть и эта сложность и мое неумение. Действие происходит в Мадриде в 1942 году, в гуще людского потока, в некоем улье, где одни счастливы, другие нет. Сто шестьдесят персонажей, что проходят — но отнюдь не мчатся — на его страницах, вели меня пять долгих лет по дороге скорби. Удались они мне или нет, пусть судит читатель. Не знаю, как определить мой роман — реалистический он или идеалистический, натуралистический, бытописательский или еще какой-нибудь. Но меня это и не слишком тревожит. Можете наклеивать любые ярлыки — я человек, ко всему привычный.

Камило Хосе Села

Глава первая

— Важно одно — не забывать, с кем имеешь дело, только об этом я и твержу.

Донья Роса расхаживает между столиками кафе, задевая посетителей своим чудовищным задом. Донья Роса частенько произносит «Провались ты!» и «Хорошенькое дело!». Мир для доньи Росы — это ее кафе и все прочее, что находится вокруг ее кафе. Говорят, что, когда приходит весна и девушки надевают платья без рукавов, у доньи Росы начинают поблескивать глазки. Я думаю, все это болтовня: донья Роса не выпустит из рук серебряной монеты ни ради каких радостей жизни. Что весной, что осенью. Самое большое удовольствие для нее — таскать взад-вперед свои килограммы вот так, прохаживаясь между столиками. Когда остается одна, она курит дорогие сигареты и пьет охен^{*}, опрокидывает рюмки охена одну за другой с утра до вечера. После каждой кашляет и улыбнется. Когда у нее хорошее настроение, она усаживается в кухне на низком табурете и читает детективные романы — чтоб побольше крови, так интересней. Тут же шутит с прислугой, рассказывает об убийстве на улице Бордадорес или в андалузском экспрессе.

— Отец этого Наваррете был другом генерала дона Мигеля Примо де Риверы; пошел он к генералу, стал на колени и говорит: «Ваше превосходительство, ради бога,

* Алкогольный напиток типа водки, получивший свое название от города в провинции Малага.

помилуйте моего сына», — а дон Мигель, хоть сердце у него было золотое, ответил: «Друг мой Наваррете, я не могу этого сделать, ваш сын должен искупить свои преступления смертью».

«Вот это люди! — думает она. — Надо же иметь такую твердость!» Лицо у доньи Росы все в пятнах, похоже, что она, как ящерица, постоянно меняет кожу. Задумываясь, она машинально сдирает с лица полоски кожи, иной раз длинные, как ленты серпантина. Потом, возвратившись к действительности, снова принимается ходить между столиками, заговаривая с посетителями, которых в душе ненавидит, и обнажая в улыбке неровные черноватые зубы.

Дон Леонардо Мелендес должен шесть тысяч дуоро чистильщику обуви. Чистильщик глуп как сивый мерин — да и похож на чахоточного сонного мерина, — долгие годы он копил деньги, а потом возьми да и отдай все дону Леонардо взаймы. Так ему и надо, простофилю. Дон Леонардо — проходимец, живет тем, что выманивает у людей деньги и затевает аферы, которые никогда не удаются. Не то чтобы плохо удаются, нет, просто не удаются, ни хорошо, ни плохо. Дон Леонардо носит нарядные галстуки, мажет волосы фиксатуаром, очень пахучим фиксатуаром, издалека слышно. Вид у него барский и апломб невероятный, апломб человека, отлично знающего жизнь. Я бы не сказал, что он так уж ее знает, но в одном ему не откажешь — держится он, как человек, у которого в кошельке всегда есть бумажка в пять дуоро. Кредиторам своим он плюет в лицо, а они, кредиторы-то, улыбаются ему и смотрят на него с почтением, по крайней мере внешним. Кое-кто, правда, подумывал подать в суд и припереть его к стенке, но почему-то до сих пор никто не отважился начать кампанию. Дон Леонардо ужасно любит щеголять французскими словечками,

вроде *madame, gue, cravate**, и повторять «мы, Мелендесы». Дон Леонардо — человек образованный, о чем хочешь может поговорить. Обычно он играет две-три партии в шашки, а пьет только кофе с молоком. Если увидит, что за соседними столиками курят сигареты, скажет этак деликатно: «Не найдется ли у вас курительной бумаги? Хотел свернуть сигаретку, да вот бумаги не оказалось». Ему, бывает, ответят: «Нет, но употребляю. А не хотите ли готовую сигарету?..» Дон Леонардо делает неопределенную гримасу и чуть медлит с ответом. «Ладно, выкурим для разнообразия. Мне, знаете ли, фабричные сигареты не очень по вкусу». А иногда сосед скажет только: «Нет, бумаги нет, очень сожалею», — и тогда дону Леонардо курить нечего.

Облокотясь на старый, пятнистый мрамор столиков, посетители едва глядят на проходящую мимо хозяйку, и смутные мысли проплывают у них в голове, мысли об этой жизни, где, увы, все складывается не так, как могло бы сложиться, где все понемногу приходит в упадок, а почему, никто даже не пытается объяснить, указать хоть самую ничтожную причину. Мраморные столешницы были прежде надгробными плитами, на некоторых еще сохранились надписи; слепой, проведя пальцами по нижней их стороне, мог бы прочитать: «Здесь покоятся бранные останки сеньориты Эсперансы Редондо, скончавшейся в расцвете юности» или «Почий с миром. Высокочтимый сеньор дон Рамиро Лопес Пуэнте. Заместитель министра в министерстве экономики».

Завсегдатаи наших кафе — это люди, считающие, что все идет как положено и не стоит труда пытаться что-либо улучшить. В кафе доньи Росы все посетители курят, и большинство размышляет о жалких, но приятных

* Мадам, улица, галстук (*фр.*).

и волнующих мелочах, что заполняют или опустошают их жизнь. Одни молчат с мечтательным видом, как бы предаваясь смутным воспоминаниям; другие сидят с отсутствующим выражением лица, на котором блуждает улыбка, томная, умоляющая улыбка усталой твари; третьи молчат, подперев голову рукой, и взгляд их полон тихой грусти, как море в штить.

Бывают вечера, когда разговор за столиками малопомалу стихает, разговор о кошках и котятках, или о пайках, или об умершем мальчике, которого кто-то никак не может вспомнить, о том самом мальчике — ну как же вы не помните? — таком рыженьком, хорошеньком, худеньком малыше лет пяти, он еще всегда ходил в бежевой вязаной кофточке. В такие вечера чудится, что пульс кафе бьется неровно, как у больного, что воздух становится более плотным, более серым, хотя временами его пронизывает, будто молния, теплый ветерок, неизвестно откуда повеявший, ветерок надежды, который на секунду прорывается в душу каждого.

На дона Хайме Арсе градом сыплются опротестованные векселя, но он, несмотря ни на что, держится гордо. Даже не поверишь, до чего в кафе все известно. Дон Хайме, видите ли, попросил ссуду в каком-то банке, ссуду ему дали, и он подписал векселя. Потом случилось то, что должно было случиться. Он ввязался в дело, его обманули, он остался без единого реала, ему предъявили векселя, а он заявил, что не может их оплатить. Дон Хайме Арсе, судя по всему, человек честный, но неудачник, невезучий в денежных делах. Очень трудолюбивым его, правда, не назовешь, но вдобавок ему еще и не везет. Другие такие же лентяи, а может и похуже, сумели провернуть два-три выгодных дельца, нажили тысячи дура, оплатили векселя и теперь покуривают дорогие сигары да разъезжают в такси. Дону Хайме Арсе судьба не улыб-

нулась, не повезло. Теперь он ищет себе занятие, но не находит. Он-то согласился бы взяться за любое дело, какое подвернется, да ничего стоящего не попадается, и он проводит дни в кафе, откинув голову на плюшевую спинку кресла и созерцая позолоту потолка. Иногда он мурлычет себе под нос модный мотивчик, отбивая такт ногой. Дон Хайме не любит думать о своих неудачах, по правде сказать, он вообще не привык о чем-либо думать. Взглянет на зеркала и скажет себе: «Кто это выдумал зеркала?» Потом уставится на кого-нибудь пристально, даже нагло: «Интересно, есть у этой женщины дети? Нет, верней всего, старая дева». «А сколько туберкулезных сидит сейчас здесь, в кафе?» Дон Хайме свертывает тонкую, как соломинка, сигарету и закуривает. «Есть такие мастера точить карандаши, что заострят грифель, как иголочку, и он не ломается». Дон Хайме меняет положение, он засидел ногу. «Загадочная штука — сердце! Тук-тук, тук-тук, и так всю жизнь, днем и ночью, зимой и летом».

У молчаливой женщины, которая всегда садится в глубине кафе, рядом с лестницей, ведущей в бильярдную, меньше месяца назад умер сын. Мальчика звали Пако, он собирался служить на почте. Сперва сказали, что у него паралич, потом разобрались, что не паралич, а менингит. Болел он недолго и сразу же впал в беспамятство. А он ведь уже знал все населенные пункты Леона, Старой Кастилии, Новой Кастилии и частично Валенсии (Кастельон да еще почти половину Аликанте); очень-очень жаль, что он умер. Пако постоянно прихварывал, после того как в детстве промочил зимою ноги. Мать осталась одна, другой ее сын, старший, странствует по свету неизвестно где. После обеда она приходит в кафе доньи Росы, садится у лестницы и часами сидит там, отогревается. С тех пор как умер ее сын, донья

Роса очень с ней ласкова. Некоторым людям доставляет удовольствие проявлять внимание к тем, кто в трауре. Можно давать советы — надо, мол, смириться, не падать духом, — это очень приятно. Утешая мать Пако, донья Роса обычно говорит: «Чем остаться ему идиотом, лучше, что бог взял его к себе». Женщина смотрит на нее с покорной улыбкой и говорит, что, конечно, если хорошенько подумать, она права. Мать Пако зовут Исабель, донья Исабель Монтес, вдова Санса. Она еще недурна собой, ходит в слегка поношенном плаще. По виду — из хорошей семьи. В кафе относятся с почтением к ее горю, лишь очень редко кто-нибудь из знакомых, обычно женщина, по пути из уборной подходит к ее столику и спрашивает: «Ну как? Немного приободрились?» Донья Исабель улыбается и почти никогда не отвечает; если же чуть отгадет, то поднимет голову, взглянет на приятельницу и скажет: «Какая вы сегодня хорошенькая, милочка!» Но чаще ничего не говорит, только махнет рукой, как бы прощаясь, и точка. Донья Исабель помнит, что она из другого круга, во всяком случае, чем-то отличается от здешних.

Немолодая девица подзывает продавца сигарет:

— Падилья!

— Иду, сеньорита Эльвира!

— Один «Тритон».

Она роется в сумочке, набитой давними похабными любовными записочками, и выкладывает на стол тридцать пять сентимо.

— Благодарю.

— Пожалуйста.

Она закуривает, выпускает длинную струю дыма, глаза ее затуманиваются. Немного погодя она снова зовет:

— Падилья!

— Иду, сеньорита Эльвира!

— Ты передал письмо тому человеку?

— Да, сеньорита.

— Что он сказал?

— Ничего. Его не было дома. Прислуга сказала, чтобы я не беспокоился, она обязательно передаст ему за ужином.

Сеньорита Эльвира молча продолжает курить. Нынче ей как-то не по себе, ее знобит, перед глазами все как будто колыхается. Жизнь у сеньориты Эльвиры собачья — если хорошенько все взвесить, то и жить не стоило бы. Конечно, делать она ничего не делает, но из-за этого ей очень часто нечего есть. Она читает романы, ходит в кафе, покуривает сигареты — живет чем бог пошлет. Беда, что посылает он не очень-то густо, да к тому же всегда что-нибудь завалившее и никчемное.

Дону Хосе Родригесу де Мадрид выпал выигрыш в лотерею, в последнем тираже. Друзья говорят ему:

— Привалило счастье, а?

Дон Хосе отвечает всем одно и то же, как будто на память заучил:

— Ба, восемь паршивых дуру!

— Ладно, ладно, уж вы не объясняйте, мы у вас ничего не попросим.

Дон Хосе — судейский писарь, у него, видимо, кое-что накоплено. Еще говорят, что он женился на богатой девушке из Ла-Манчи, да жена вскоре умерла и все оставила дону Хосе, а он поспешил продать и четыре виноградника и два участка с оливами: сельский воздух, говорит он, плохо действует ему на дыхательные пути, а беречь здоровье — это главное.

В кафе доньи Росы дон Хосе всегда заказывает рюмочку — он не какой-нибудь пижон или голодранец из тех, что пьют кофе с молоком. Хозяйка глядит на него с нежностью, их объединяет пристрастие к охену.